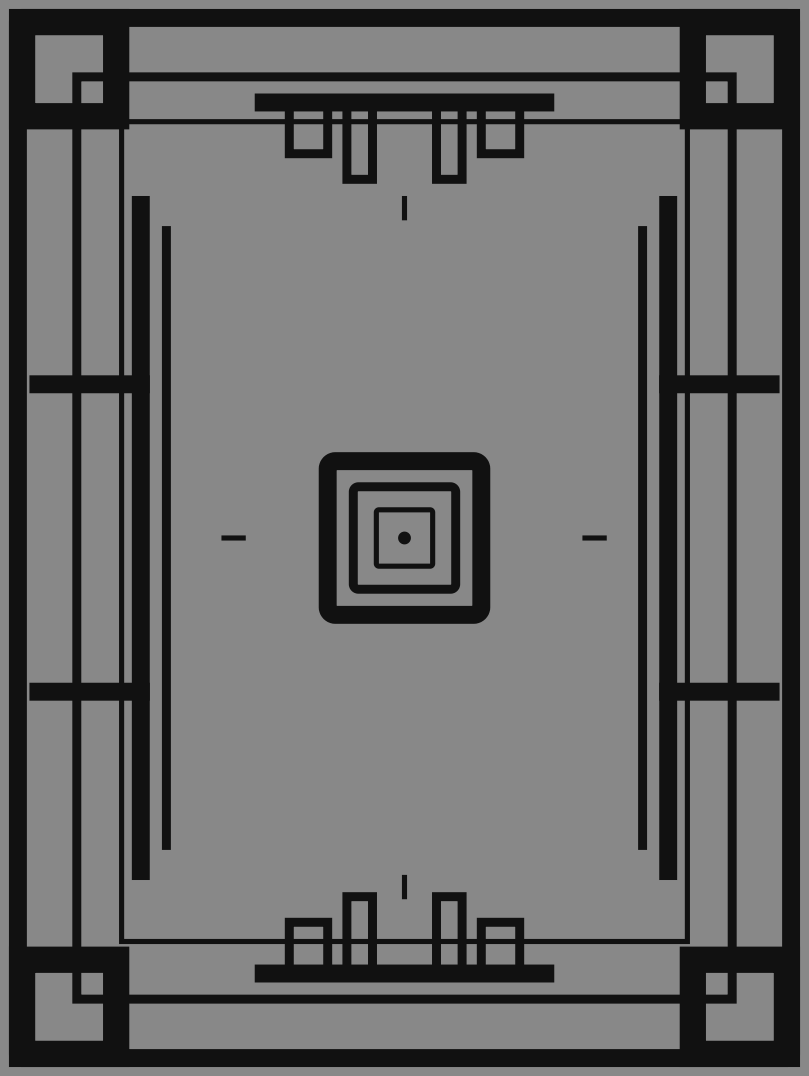

Волшебник Мазириан
Джек Вэнс

Аннотация
Волшебник Мазириан

Аннотация

Вот уже в который раз загадочной незнакомке удается ускользнуть от Мазириана. Она приходит в его сад и наблюдает за волшебником, не позволяя к себе приблизиться, что просто сводит Мазириана с ума. Поймать незнакомку – таково его навязчивое желание, ради исполнения которого Мазириан готов применить все свои магические способности и даже рискнуть жизнью…

Волшебник Мазириан

Погрузившись в глубокое раздумье, волшебник Мазириан бродил по своему саду. Ветви, усеянные всевозможными опьяняющими фруктами, протягивались над его головой, цветы подобострастно кланялись, когда он проходил мимо. Высунувшись на вершок из грядки, глазки мандрагор, тусклые, как агаты, следили за поступью его мягких черных туфель. Таков был сад Мазириана — три террасы, покрытые странной и чудесной растительностью. Клумбы переливалась радужными бликами, роскошные соцветия пульсировали, как морские анемоны — пурпурные, зеленые, сиреневые, розовые, желтые. Деревья, напоминавшие перистые зонты, создавали пеструю тень; другие подмигивали листвой, блестевшей, как металлическая фольга, причем каждый отдельный лист отливал оттенком того или иного металла — меди, серебра, синего тантала, бронзы, зеленого иридия. Здесь пучки светящихся пузырьков осторожно пробивались среди глянцевых темно-зеленых листьев, там куст красовался сотнями трубчатых соцветий, тихо насвистывавших мелодии древней Земли, каждое по-своему — музыку, навевавшую воспоминания о рубиновых солнечных лучах, о родниковой воде, сочившейся в черноземе, о ле-

нивых дуновениях ветерка. А за плотной зеленой изгородью таинственной стеной вырастали высокие стволы темного леса. В эти последние дни земного бытия никто уже не мог указать с уверенностью местонахождение всех окружающих лощин и лужаек, ложбин и омутов, укромных прогалин, полуразрушенных павильонов, выгоревших на солнце парковых «капризов», оврагов и пригорков, ручьев, заводей и прудов, лугов, рощ, перелесков и скальных обнажений.

Нахмурившись и заложив руки за спину, Мазириан продолжал задумчиво бродить туда-сюда по волшебному саду. Некая особа возбуждала в нем замешательство, сомнения и пламенную страсть: женщина, обитавшая в лесу — привлекательнейшее существо! Она насмешливо подъезжала к ограде на черном коне, глаза которого сверкали, как золотистые кристаллы, однако всегда держалась настороже. Мазириан неоднократно пытался ее поймать, но каждый раз наездница ускользала — все его обольщения, угрозы и ухищрения были напрасны.

По саду разнесся вопль смертельного ужаса. Ускорив шаги, Мазириан обнаружил крота, грызущего стебель животно-растительного гибрида. Волшебник убил вредителя; вопли почти за-

тихли, превратившись в глухие задыхающиеся стоны. Мазириан погладил ворсистый лист, и красный зев гибрида зашипел от удовольствия.

После этого растение произнесло: «К-к-к-к-к-к-к...» Мазириан нагнулся, поднял грызуна за хвост и поднес его к красному зеву. Зев поглотил тельце вредителя, скользнувшее в подземный желудочный пузырь. Из глотки растения послышались булькающие звуки, последовала отрыжка; Мазириан с удовлетворением наблюдал за происходящим.

Солнце уже спускалось к горизонту — настолько потускневшее и покрасневшее, что в зените уже можно было видеть звезды. И теперь Мазириан почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Скорее всего, это была та самая женщина из леса — она и раньше нарушала его покой таким же образом. Волшебник стоял не шевелясь, пытаясь уловить, откуда исходил ее взгляд.

Мазириан выкрикнул заклинание, вызывавшее оцепенение. Животно-растительный гибрид у него за спиной стал жестким и неподвижным; неподалеку мягко упал на землю огромный зеленый мотыль. Волшебник быстро развернулся на каблуках. Вот она, на краю леса! Ближе, чем когда-либо! Пока он приближался, женщина не

двигалась. Молодые глаза старца Мазириана сверкнули. Он заключит ее в своей усадьбе, в каземате из зеленого стекла. Он испытает ее мозг огнем и холодом, болью и наслаждением. Она будет подавать ему вино и принимать восемнадцать поз обольщения при желтом свете мерцающих лампад. Возможно, ее подослали следить за ним — в таком случае Мазириану следовало немедленно выяснить всю подноготную, ибо никого на древней Земле он не мог назвать своим другом, и ему приходилось непрерывно охранять свой сад.

Незнакомка была всего лишь в двадцати шагах… но тут же послышался глухой топот черных копыт: наездница развернула коня и ускакала в лес.

Волшебник в ярости сбросил на землю свой плащ. Ее что-то защищало — противозаклятие или охранная руна — причем она неизменно появлялась именно тогда, когда Мазириан был меньше всего готов к преследованию. Чародей вглядывался в сумрачные глубины леса: вот ее бледный силуэт появился на фоне багровеющих закатных лучей, вот он погрузился в черную тень — наездница исчезла… Кто она — ведьма? Приезжала ли она по своей прихоти или — что

гораздо вероятнее — посылал ли ее враг, чтобы мучить его тревожными опасениями? Если так, кто повелевал назойливой посетительницей? Это мог быть принц Кандив Златокудрый из Кайина, у которого Мазириан выпытал секрет омоложения. Это мог быть Азван-астроном. Или Турджан? Вряд ли Турджан. Лицо Мазириана озарилось приятным воспоминанием… Но он отбросил эту мысль. По меньшей мере он мог проверить, не замешан ли тут Азван. Волшебник направился в лабораторию и подошел к столу, на котором покоился прозрачный хрустальный куб, окруженный дрожащим красным и синим ореолом. Мазириан достал из шкафа бронзовый гонг и серебряный молоток. Постучав по гонгу молотком, он извлек из него мягкий гулкий звон, разнесшийся по лаборатории и за ее пределы, по всему саду и дальше. Он ударил в гонг еще и еще раз. Внезапно в хрустальном кубе появилось лицо Азвана, искаженное болью и непритворным ужасом.

«Пощади, Мазириан! — взмолился Азван. — Не бей по резонатору моей жизни!»

Рука Мазириана, замахнувшаяся молотком, задержалась: «Ты шпионишь за мной, Азван? Подсылаешь ко мне ведьму, чтобы она похитила

гонг?»

«Не я, маэстро, не я! Мне слишком дорога жизнь!»

«Ты должен доставить ко мне эту женщину, Азван! Это приказ!»

«Невозможно, маэстро! Я даже не знаю, кто́ она и каковы ее побуждения!»

Мазириан притворился, что вот-вот снова ударит по гонгу. Но Азван разразился настолько исступленным потоком просьб и заверений, что Мазириан с отвращением опустил молоток и спрятал магический гонг в шкафу. Лицо Азвана постепенно растворилось в прозрачной глубине приемника, и вскоре переливчатый хрустальный куб на столе стал таким же, как прежде.

Мазириан поглаживал подбородок. По всей видимости, ему надлежало поймать девушку самостоятельно. Позже, когда черная ночь окутает лесную чащу, он найдет в своих книгах заклинания, позволявшие безопасно и незаметно передвигаться по лесным прогалинам, где его подстерегали непредсказуемые опасности. Следовало выбрать мучительные, глубоко проникающие формулы, сначала приводящие обычного человека в замешательство, а затем вызывающие безумие. Благодаря усердным упражнениям, Ма-

зириан мог запомнить до четырех самых грозных заклинаний одновременно — или не больше шести не столь губительных.

Отложив на время этот проект, волшебник подошел к продолговатому растильному чану, ярко озаренному зеленым светом. Под поверхностью прозрачной жидкости покоилось тело мужчины, в зеленом зареве производившее пугающе призрачное впечатление, но отличавшееся прекрасным сложением. Широкоплечее и узкое в бедрах, тело обладало длинными мускулистыми ногами со слегка изогнутыми ступнями, скуластое лицо сохраняло безмятежно-суровое выражение, голову окружали пыльно-золотистые кудри.

Мазириан внимательно разглядывал существо, выращенное из единственной клетки. Творению не хватало только одного — разума, но волшебник не знал, как вселить в него разум. Этот секрет был известен Турджану из Миира, а Турджан — Мазириан мрачно прищурился, взглянув на люк, закрывавший отверстие в полу — упрямо отказывался раскрыть свою тайну.

Мазириан вернулся к задумчивому созерцанию тела, лежавшего в чане. Неужели нельзя было придать этой идеальной фигуре правильно орга-

низованный, послушный мозг? Что ж, попытка — не пытка. Волшебник включил устройство, откачивавшее жидкость из чана, и вскоре обнаженное тело лежало, поблескивая влажной кожей, ничем не защищенное от ярко-зеленых лучей. Мазириан впрыснул в шею существа каплю заранее приготовленного препарата. Тело вздрогнуло. Глаза открылись, но тут же зажмурились, ослепленные зеленым заревом. Мазириан повернул в сторону рефлектор излучателя.

Существо в чане слегка пошевелило руками и ногами — неуверенно, словно не понимая, как пользоваться конечностями. Мазириан напряженно наблюдал за происходящим: возможно, ему так-таки удалось найти подходящий рецепт синтеза мозга?

«Сядь!» — скомандовал Мазириан.

Существо сосредоточило глаза на лице волшебника — в нем явно пробуждались естественные мышечные рефлексы. Совершенно неожиданно оно с гортанным ревом выскочило из чана и схватило Мазириана за горло. Мазириан, человек здоровый и сильный, пытался вырваться, но мускулистая бестия болтала его в воздухе, как тряпичную куклу.

Несмотря на все его чары, Мазириан был беспо-

мощен. Он уже истратил цепенящее заклинание и в данный момент не помнил никакого другого. В любом случае, он не смог бы произнести какую-либо многосложную формулу, искажающую пространство-время — ему стиснула горло бешеная хватка.

Отступая, волшебник нащупал рукой горлышко свинцовой бутыли. Размахнувшись, он огрел существо бутылью по голове — ожившее тело пошатнулось и распласталось на полу.

Не слишком огорченный результатом эксперимента, Мазириан разглядывал лежавшую у него под ногами влажную фигуру. Существо продемонстрировало успешную координацию функций спинного мозга. Мазириан присел за стол и приготовил белую смесь. Приподняв златокудрую голову своего создания, он влил ему в рот это зелье. Существо ожило, открыло глаза, приподнялось на локтях. Безумие покинуло его, но волшебник напрасно искал в нем признаки сознания. Редко мигавшие глаза существа оставались пустыми, как у ящерицы.

Мазириан раздраженно покачал головой. Он подошел к окну — мрачный силуэт наклонившего голову волшебника выделялся четкой черной тенью на фоне овального стекла… Снова допро-

сить Турджана? Турджан не выдал свой секрет даже под самой изощренной пыткой. Тонкие губы Мазириана иронически покривились. Может быть, если прибавить еще один поворот…

Солнце уже зашло, волшебный сад Мазириана погрузился в сумерки. Раскрылись ночные белые цветы, и заключенные в них серые мотыльки выпорхнули, перелетая с одной клумбы на другую. Мазириан распахнул люк в полу лаборатории и стал спускаться по лестнице — ниже, ниже, еще ниже… Наконец он повернул под прямым углом направо в коридор, освещенный желтым пламенем вечных светильников. За спиной остались его пещерные грибные грядки, справа в стене была устроена крепкая дубовая дверь, окованная чугуном и запертая на три замка. Впереди, скрывались во мраке каменные ступени, ведущие дальше вниз.

Мазириан открыл три замка и распахнул дверь настежь. В помещении за дверью ничего не было, кроме каменного пьедестала с установленной на нем застекленной сверху квадратной коробкой примерно метровой ширины и высотой сантиметров двенадцать. В коробке — по сути дела, в устроенном вдоль ее стенок проходе с четырьмя поворотами по углам — двигались две неболь-

шие фигурки: преследователя и преследуемого. Хищником был маленький дракон с яростно горящими красными глазами и отвратительной клыкастой пастью. Жертвой был человечек в два раза меньше дракона — обнаженный, с решительным лицом и длинными черными волосами, стянутыми медным обручем. Лилипут бежал чуть быстрее преследователя, неустанно продолжавшего погоню и применявшего кое-какие уловки: время от времени дракончик уставал от попыток дотянуться до человечка зубами, поворачивал назад и прятался за углом — на тот случай, если человечек не обернется вовремя и неосторожно забежит за угол. Но лилипут, бдительно следивший за поведением дракончика, все время умудрялся избегать зубов преследователя. Человечком был Турджан, которого Мазириан, применив несколько подлых трюков, пленил две недели тому назад, уменьшил в размерах и заключил в застекленную коробку.

Мазириан с удовольствием наблюдал за тем, как рептилия прытко бросалась на человека, как только тот останавливался, чтобы перевести дыхание — но человек каждый раз успевал оставаться за пределами досягаемости. Мазириан подумал, что пора было дать обоим передохнуть

и накормить их. Он опустил панели, перегородившие квадратный проход по углам и разделившие его на две половины: в одной остался человек, в другой — дракон. Поставив каждому по наперстку с водой, он подбросил им по кусочку мяса.

Турджан тут же опустился на дно коробки, прислонившись спиной к стенке.

«Ага! — сказал Мазириан. — Ты устал? Хочешь отдохнуть?»

Турджан закрыл глаза и молчал. Ход времени и весь мир уже не имели для него никакого значения. Единственной реальностью были серый коридор и бесконечное бегство. Иногда, не слишком регулярно, его кормили и позволяли несколько часов подремать.

«Вспомни о синем небе, — говорил Мазириан, — о серебристых звездах, о твоем замке Миир над рекой Дерной, подумай о том, как хорошо и вольно гулять по лугам!»

Мышцы вокруг рта Турджана чуть дрогнули.

«Ты мог бы раздавить дракона каблуком — подумай только!»

Турджан поднял голову: «Я предпочел бы свернуть шею тебе, Мазириан».

Мазириан ухом не повел: «Расскажи, как ты прививаешь разум существам, выращенным в

чанах. И я выпущу тебя на свободу».

Турджан рассмеялся — смехом сумасшедшего: «Рассказать тебе? И что дальше? Сразу после этого ты сваришь меня в кипящем масле!»

Уголки тонких губ Мазириана капризно опустились: «Негодяй, я знаю, как заставить тебя говорить! Ты все расскажешь, даже если твой рот будет набит ватой и воском, а потом заклеен! Завтра я обнажу нерв в твоей руке и проведу по нему наждачной тканью!»

Маленький Турджан, вытянув ноги поперек прохода в коробке, пил воду и молчал.

«Сегодня ночью, — произнес Мазириан нарочито зловещим тоном, — я добавлю еще один угол. Теперь тебе придется бегать по пятиугольнику».

Турджан отвлекся от наперстка с водой и взглянул наверх, на врага, склонившегося над стеклянной крышкой, после чего снова стал прихлебывать воду. В пятиугольном проходе оставалось бы меньше времени на то, чтобы заметить появившееся из-за поворота чудовище и начать от него убегать.

«Завтра, — продолжал Мазириан, — тебе потребуется все твое проворство». Волшебнику пришла в голову новая мысль: «Но даже от этого испытания я тебя избавлю, если ты поможешь

мне решить одну проблему».

«В чем состоит твое затруднение, чокнутый чародей?»

«Меня преследует наваждение в образе женщины. Я хотел бы ее поймать! — одна мысль о такой возможности заставила затуманиться глаза волшебника. — По вечерам она приезжает к ограде моего сада на огромном черном коне — ты ее знаешь, Турджан?»

«Нет, понятия не имею», — Турджан продолжал понемногу прихлебывать воду.

Мазириан продолжал: «Она достаточно владеет магией, чтобы оградить себя от второго гипнотического заклинания Фелойуна. Или, возможно, кто-то снабдил ее охранной руной. Когда я к ней приближаюсь, она скрывается в лесу».

«Так что же?» — спросил Турджан, закусывая предоставленным Мазирианом кусочком мяса.

«Кто эта женщина?» — настаивал Мазириан, опустив кончик длинного носа над головой миниатюрного пленника.

«Откуда мне знать?»

«Я должен ее поймать! — теперь Мазириан говорил скорее с самим собой, нежели с пленником. — Но какие для этого выбрать заклинания? Какие заклинания?»

Турджан смотрел вверх, хотя гигантскую физиономию волшебника трудно было разглядеть — она расплывалась за стеклом: «Освободи меня, Мазириан — и, даю слово избранного иерарха Марам-Ора, я приведу к тебе эту девушку!»

«Как ты это сделаешь?» — с подозрением спросил волшебник.

«Надену сапоги-скороходы, вооружусь горстью заклинаний и настигну ее в лесу».

«У тебя это получится не лучше, чем у меня, — возразил Мазириан. — Свободу ты получишь только тогда, когда разъяснишь методы выращивания разумных существ. А за женщиной на черном коне я буду охотиться сам».

Турджан опустил голову, чтобы волшебник не мог прочесть выражение в его глазах. Немного погодя Турджан спросил: «И что будет со мной, Мазириан?»

«Тобой я займусь, когда вернусь».

«Что, если ты не вернешься?»

Мазириан погладил подбородок и улыбнулся, обнажив мелкие белоснежные зубы: «Если бы не твой проклятый секрет, дракон сожрал бы тебя уже сию минуту!»

Волшебник поднялся по каменной лестнице. В полночь он все еще сидел в лаборатории, перели-

стывая страницы томов в кожаных переплетах и листы, беспорядочно вложенные в папки… Когда-то были известны больше тысячи рун, заклинаний, магических формул, проклятий и чар. Просторы Великого Мофолама — Асколаис, Кочикский Айд, Альмерия на юге, степи Рухнувшей Стены на востоке — буквально кишели всевозможными чародеями и кудесниками, самым влиятельным из которых слыл архинекромант Фандаал. Фандаал сам сформулировал сотню заклинаний — хотя ходили слухи, что формулы великого мага ему нашептывали демоны. Понтесилья Благочестивый, правивший в те времена Великим Мофоламом, подверг Фандаала пыткам и, наутро после ужасной ночи, казнил его, а затем запретил колдовство по всей своей империи. Чародеи Мофолама разбежались по щелям, как тараканы, испуганные внезапно включенным светом; их знания постепенно рассеивались и подвергались забвению — до тех пор, пока Солнце не стало темнеть над одичавшим Асколаисом, пока белокаменный город Кайин не стал превращаться в руины. Ныне оставались известными лишь сто заклинаний, причем Мазириану были доступны семьдесят три — мало-помалу, посредством махинаций и переговоров, он приобретал

другие.

Мазириан выбрал из книг надлежащие формулы и, приложив немалые усилия, запечатлел в уме пять заклинаний: «Фазовращатель Фандаала», «Второе гипнотическое заклинание Фелойуна», «Великолепный призматический спрыск», «Заклятие неистощимой бодрости» и «Вызов непроницаемой сферы». Закончив этот труд, Мазириан выпил вина и улегся на койку.

На следующий день, незадолго перед заходом Солнца, Мазириан отправился на прогулку по саду. Ему не пришлось долго ждать. Пока он разрыхлял почву вокруг корней лунных гераней, топот копыт возвестил о прибытии предмета его вожделений.

Она держалась в седле, гордо выпрямившись — молодая женщина изысканного телосложения. Медленно наклонившись, чтобы, паче чаяния, не спугнуть красавицу, Мазириан надел сапоги-скороходы и застегнул их над коленями.

Поднявшись во весь рост, он воскликнул: «Прекрасная незнакомка! Ты снова здесь. Что ты делаешь в моем саду по вечерам? Восхищаешься розами? Их алые лепестки насыщены свежей кровью. Если сегодня ты останешься со мной, я подарю тебе одну из этих роз».

Мазириан сорвал розу с ветки содрогнувшегося куста и начал потихоньку приближаться к наезднице, сопротивляясь настойчивым порывам сапог-скороходов. Он успел сделать только четыре шага, когда женщина ударила коня коленями по ребрам и поскакала прочь, скрываясь между древесными стволами.

Мазириан позволил сапогам сорваться с места и мчаться со всей возможной скоростью. Сапоги совершали, один за другим, частые длинные прыжки — Мазириан пустился в погоню.

Так волшебник оказался в сказочном лесу. Со всех сторон покрытые мхом, вздувшиеся в основаниях стволы извивались к небу, поддерживая высокие кроны. Солнечные лучи то и дело пробивались сквозь листву, разбрасывая карминовые блики по лесной подстилке. В тени покачивались на длинных стеблях бледные цветы и хрупкие нежные грибы; в эти последние годы Земли природа не торопилась и словно отдыхала от потрясений минувшего.

Но Мазириан торопился — сапоги-скороходы несли его гигантскими скачками. Черный конь, однако, постоянно опережал его, не прилагая никаких особенных усилий.

Женщина с черными волосами, развевавшими-

ся подобно вымпелу, проехала уже несколько лиг. Она обернулась, и Мазириан увидел ее лицо — лицо недостижимой мечты. Наездница пригнулась к гриве — черный конь с золотистыми глазами понесся с удвоенной прытью и вскоре скрылся из виду. Теперь, чтобы не сбиться с пути, Мазириану приходилось разыскивать следы копыт.

Сапоги-скороходы начинали терять пружинистую бодрость — они бежали уже давно и быстро. Гигантские прыжки становились короче и тяжелее, но черный конь, судя по следам, тоже устал и бежал уже не галопом, а мелкой рысью. Через некоторое время Мазириан вышел из леса на луг и увидел пасущегося коня, без наездницы. Волшебник тут же остановился. Перед ним было обширное открытое пространство, поросшее нежной травой. Следы вели на луг, но, судя по тем же следам, конь не покидал пастбище. Следовательно, женщина спешилась где-то раньше — и ничто не позволяло Мазириану определить, где именно. Он попробовал приблизиться к коню, но животное отпрянуло и ускакало в лес. Волшебник не пытался догнать его — он обнаружил, что чудесные сапоги обмякли и больше не работали.

Мазириан отшвырнул сапоги, проклиная этот день и свою неудачу. Раздраженно завернувшись

в плащ, он направился назад по тропе — на лице его застыло выражение злобного напряжения.

В этой части леса часто встречались обнажения черной и темно-зеленой скальной породы, базальта и серпентинита — предвестники утесов, возвышавшихся над рекой Дерной. На одном из таких каменных выступов Мазириан заметил маленького человечка верхом на стрекозе. Кожа лесного эльфа отливала зеленоватым блеском; на нем была легкая полупрозрачная накидка, а в руке он держал копье в два раза длиннее своего роста.

Мазириан остановился. Человечек смотрел на волшебника — молча и неподвижно.

«Ихневмон, ты видел, как здесь проходила женщина моей расы?» — спросил Мазириан.

Поразмыслив пару секунд, зеленый человечек кивнул: «Видел».

«Где она теперь?»

«А что ты мне дашь, если я тебе скажу?»

«Соль — столько, сколько сможешь взять».

Эльф-ихневмон покрутил копьем в воздухе: «Соль? Зачем она мне? Странник Лианэ приносит соль вождю Данданфлоресу — столько, что всему племени хватает».

Мазириан мог представить себе, за какие услу-

ги трубадур-разбойник платил эльфам солью. Эльфы-ихневмоны, стремительно летавшие на стрекозах, знали обо всем, что происходило в лесу.

«Ампулу елея, выжатого из лепестков теланксиса?»

«Хорошо! — уступил эльф. — Покажи флакон».

Мазириан продемонстрировал ампулу.

«Она свернула с тропы у расщепленного молнией дуба — он неподалеку — и спустилась в речную долину. Это кратчайший путь к озеру».

Мазириан положил ампулу на камень рядом со стрекозой и поспешил к искореженному дубу над рекой. Тем временем ихневмон спешился и привязал ампулу к брюшку стрекозы рядом с мотком тончайшей пряжи, который женщина дала ему, чтобы он направил волшебника ей вдогонку.

Повернув в долину там, где рос расщепленный дуб, Мазириан нашел следы среди опавших листьев. Перед ним к реке полого спускалась широкая просека. По обеим сторонам просеки выстроились частые стволы лесной чащи; там, где их озаряли лучи заходящего Солнца, они казались пропитанными кровью, а с другой стороны — угольно-черными. Тень с западной стороны была настолько глубокой, что волшебник не при-

метил тварь, сидевшую на упавшем трухлявом дереве — он почувствовал ее присутствие только тогда, когда она уже приготовилась броситься ему на спину.

Мазириан отпрянул, повернувшись лицом к опять присевшему в угрожающей позе деоданду: атлетически сложенному, красивому человекообразному существу с матовой черной кожей и раскосыми глазами-щелочками.

«Привет, Мазириан! — деоданд говорил тихо и вкрадчиво, но эхо его голоса разносилось по всей просеке. — Ты, я вижу, забрел далеко в лес».

Мазириан знал, конечно, что деоданды обожали человеческое мясо. Каким образом девушка избежала нападения? Ее следы вели вниз, вдоль тенистой чащи.

«Я кое-кого ищу, деоданд. Если ты ответишь на мои вопросы, я обещаю скормить тебе человека».

Деоданд смерил волшебника хищным взглядом с головы до ног, его глаза сверкнули: «Твоя плоть подойдет не хуже плоти любого другого. Надо полагать, ты вооружился мощными заклинаниями?»

«Разумеется. Как давно здесь проходила девушка? Торопилась она или нет? Кто-нибудь ее

сопровождал? Отвечай — и я накормлю тебя человечиной, когда это тебя устроит, в условленное время».

Деоданд издевательски оскалился: «Мазириан, ты ослеп? Она все еще на просеке — смотри!» Хищник протянул угольно-черную руку. Мазириан повернулся в ту сторону, но тут же отпрыгнул в сторону — деоданд снова на него бросился. На этот раз с уст волшебника гневно сорвалась многосложная формула фазовращателя Фандаала. Ступни деоданда оторвались от земли, его подбросило высоко в воздух, где он принялся безудержно кувыркаться то быстрее, то медленнее, то взмывая над кронами деревьев, то падая почти к самой земле. Мазириан с усмешкой наблюдал за этими пертурбациями, после чего опустил черное тело пониже и заставил его кружиться равномерно, на одном уровне.

«Как ты хочешь умереть — быстро или медленно? — поинтересовался волшебник. — Помоги мне, и я убью тебя сразу. Иначе ты поднимешься под облака — туда, где кормятся пельграны».

Деоданд хрипел, задыхаясь от ярости и страха: «Да выколет тебе глаза темный дух Фиала! Пусть Краан обольет кислотой твой обнаженный мозг!» Людоед продолжал сыпать настолько ужасными

проклятиями, что Мазириан вынужден был пробормотать несколько противосглазов.

«Так улетай же!» — сказал волшебник и взмахнул рукой. Болтающее руками и ногами черное тело воспарило высоко над лесом и стало медленно кружиться в малиновых лучах заходящего Солнца. Уже через несколько секунд пятнистая тварь, подобная гигантской летучей мыши с клювом, подлетела к деоданду и вцепилась ему в ногу. Отчаянно брыкаясь, деоданд сумел отбросить ее, но к нему уже приближались другие черные тени, порхающие на фоне заката.

«Отпусти, Мазириан! — донесся слабый крик из неба. — Я скажу все, что знаю!»

Мазириан опустил деоданда ближе к земле.

«Она здесь пробежала перед тем, как появился ты. Я готовился на нее напасть, но она отпугнула меня горстью колдовского порошка. В конце просеки она повернула и спустилась по тропе к реке. Тропа эта ведет мимо логова Франга. Ей конец, потому что Франг будет сосать ее кровь, пока она не умрет».

Мазириан погладил подбородок: «Она запаслась заклинаниями?»

«Не знаю. Чтобы спастись от демона Франга, нужны могущественные чары».

«Что еще ты можешь рассказать?»

«Ничего».

«Тогда умри!» — Мазириан заставил людоеда вертеться все быстрее и быстрее, с огромной скоростью, пока его фигура не превратилась в сплошное размытое пятно. Из пятна послышался сдавленный вой, после чего тело деоданда разорвалось: голова пулей пронеслась по воздуху и упала в нижней части просеки; руки, ноги, внутренности разлетелись во все стороны.

Мазириан продолжил путь. В нижнем конце просеки тропа круто спускалась к реке по темно-зеленым уступам серпентинита. Солнце уже зашло, долина наполнилась сумраком. Мазириан вышел на речной берег и направился вниз по течению — туда, где вдали блестели воды Санры, озера сновидений.

В воздухе повеяло зловещей вонью разложения и гниющих отбросов. Теперь Мазириан продвигался вперед осторожнее, так как логово упыря-медведя Франга было где-то неподалеку; волшебник уже ощущал присутствие черной магии, настойчивых грубых чар, способных оказаться сильнее его изощренных заклинаний.

Послышались голоса — хриплые гортанные возгласы Франга и задыхающиеся вопли ужаса.

Мазириан выглянул из-за выступа скалы, чтобы определить, откуда доносились эти звуки.

Логовом Франгу служил обширный альков под навесом скалы, где упырь устроил зловонную подстилку из подгнившей соломы и шкур. Рядом он соорудил нечто вроде примитивного загона, в котором сидели три женщины, покрытые многочисленными кровоподтеками; на лицах женщин застыло выражение безысходного ужаса. Франг похитил их на берегу озера, где обитало племя, рыбачившее на баржах из бревен, переплетенных шелковыми лентами. Теперь пленницы наблюдали за тем, как упырь принуждал к подчинению только что пойманную жертву. Серое человеческое лицо кровопийцы нетерпеливо гримасничало — он пытался сорвать с девушки блузу-безрукавку почти человеческими руками. Но та проявляла невероятную ловкость, уклоняясь от приближения огромного потного тела упыря. Мазириан прищурился: несомненно, здесь дело не обходилось без магии!

Волшебник продолжал стоять и наблюдать, размышляя над тем, каким способом можно было бы уничтожить Франга, не причиняя особого ущерба девушке. Но та успела его заметить, выглянув за плечо упыря.

«Смотри! — лихорадочно вскрикнула она. — Мазириан пришел тебя убить!»

Франг развернулся одним прыжком. Увидев волшебника, он издал страстный торжествующий рев и помчался к нему галопом на четвереньках. Впоследствии Мазириан предположил, что упырь так-таки пользовался какими-то чарами, потому что в этот момент мозг волшебника словно парализовало страхом. Возможно, однако, что помрачение ума было вызвано исключительно внешностью медведя-упыря: жутким серовато-белым человеческим лицом и огромными руками, тянувшимися к шее Мазириана.

Старый волшебник сумел сбросить оцепенение — чем бы оно ни было вызвано — и поспешно произнес заклинание: всю долину тут же озарили потоки огненных стрел, растерзавших уткнувшееся головой в землю тело Франга на тысячи кусков. Таков был великолепный призматический спрыск разноцветных разрядов, острых, как бритвы. Франг умер почти мгновенно — его темно-багровая кровь хлынула из бесчисленных сквозных ран, оставленных ослепительным шквалом молний.

Мазириана мало интересовала судьба упыря. Девушка сбежала. Ее облаченная в белое фигура

спешила к озеру по берегу Дерны. Волшебник пустился в погоню, не обращая внимания на умоляющие вопли трех женщин, запертых в загоне.

Вскоре перед ним раскинулось обширное зеркальное водное пространство, окаймленное смутно-серой, едва заметной полоской берегов. Мазириан спустился на песчаную косу и стоял, глядя в сумрак над водами Санры, озера сновидений. Последняя заря заката уже почти погасла, небо стало бархатно-черным, на поверхности озера отражались звезды. Прохладные спокойные воды не знали ни приливов, ни отливов — так же, как и все остальные воды Земли с тех пор, когда Луна покинула свою орбиту.

Куда пропала женщина? Вот она! Бледная фигура неподвижно стояла в тени на другом берегу реки. Мазириан вышел на край песчаной косы, высокий и величественный; легкий ветерок теребил нижний край его плаща.

«Эй, красавица! — позвал он. — Я, Мазириан, спас тебя от зубов Франга! Подойди ближе, я хочу с тобой поговорить».

«Я и так хорошо тебя слышу, — ответила она. — А чем ближе я к тебе подойду, тем дальше мне придется от тебя бежать».

«Зачем же тебе бежать? Вернись со мной, и ты

станешь владычицей многих тайн и хозяйкой моей усадьбы».

Девушка рассмеялась: «Если бы я этого хотела, Мазириан, заставила бы я тебя гнаться за мной так долго и так далеко?»

«Если ты не стремишься познать тайны волшебства, кто ты такая и что тебе нужно?»

«Для тебя, Мазириан, у меня нет имени — я не хочу, чтобы ты меня сглазил. А теперь я ухожу туда, где ты меня не найдешь». Она пробежала по берегу, медленно зашла в воду по пояс, по плечи — и скрылась в глубинах озера.

Мазириан пребывал в нерешительности. Было бы непредусмотрительно использовать слишком много заклинаний и таким образом лишиться всякой защиты. Кто знает, что скрывалось под поверхностью озера? Уже здесь, на берегу, ощущалась малозаметная магия; Мазириан не враждовал с Хозяином озера, но другие существа могли рассматривать погружение как вторжение в их вотчину. Тем не менее, убедившись в том, что девушка не намерена снова появиться, волшебник произнес заклятие неистощимой бодрости и зашел в прохладную воду.

Погрузившись глубоко в озеро сновидений, Мазириан стоял на дне. Благодаря заклятию его

легкие не испытывали ни малейшего неудобства; он дивился странности окружающего подводного ландшафта. Вопреки его ожиданиям, здесь не было темно — всё брезжило зеленоватым светом, и вода была лишь немногим мутнее воздуха. Растения покачивались, потревоженные течением впадающей реки, и вместе с водорослями плавно трепетали на гибких стеблях озерные цветы — красные, синие и желтые. Выплывали и снова прятались в зарослях причудливые глазастые рыбы.

Скальные уступы-ступени озерного дна спускались к широкой равнине, где подводные деревья протягивали вверх изящные мягкие стволы с ажурными перистыми ветвями, усеянными темно-лиловыми озерными фруктами, постепенно сливаясь на расстоянии с призрачными глубинами. Мазириан видел беглянку, теперь превратившуюся в белую речную нимфу с туманно распущенными темными волосами. Она плыла, отталкиваясь ступнями от песчаного дна подводного мира и время от времени оглядываясь. Мазириан, в развевающемся под водой плаще, последовал за ней.

Волшебник приближался к девушке и уже торжествовал. Конечно, ее надлежало наказать за то,

что она слишком долго водила его за нос… Древняя каменная лестница под его лабораторией уводила в глубокие подземелья, и чем глубже были подземелья, тем обширнее они становились. Когда-то в одном из этих мрачных сводчатых подземелий Мазириан обнаружил ржавую клетку. Через пару недель, проведенных в полной темноте, у красавицы поубавится дерзкой самоуверенности. Ему уже приходилось укрощать одну строптивую женщину, уменьшив ее так, чтобы она помещалась на ладони, и посадив ее в стеклянную бутыль, в которой летали две раздраженные мухи…

Visit: http://www.smashwords.com/books/view/762429 to purchase this book to continue reading. Show the author you appreciate their work!